

Глава 18. [Арка: Лучше смерти]

О моменте исполнения последней воли матери.

Он представлял себе этот момент. Смутное воображаемое будущее, расцветавшее в голове Тена, каждый раз было драматичным и страстным, как финал, который встречает главный герой в пьесе.

Но реальность оказалась не такой драматичной, как в романе. Последний момент, который представлял себе Тен, пришёл незначительно, словно это было пустяком. Внезапно посреди повседневности.

— Эй, подождите!

Утренняя зарядка после долгого перерыва. Хотя едва ли дотягивала до прогулки, не говоря уж о растяжке, Тен, постоянно кашляя, медленно переставлял ноги. Постоянно сидеть в комнате не полезно для здоровья.

Если идти вдоль искусственного озера, протянувшегося прямой линией от фасада Замка чудовищ, придёшь к тыльной стороне высокого и большого Ледяного замка. Там. По не убранному Теном снежному полю деловито двигался белый волк. Он не бежал и не прыгал. То осторожно поднимал лапы и аккуратно ступал на месте, то волочил задние лапы, оставляя широкие линии. На задних лапах был неумело повязан старый и грязный платок.

— Господин волк?

Белый, как снег, волк обернулся на него. Тен проверил компас.

Он указывал на волка.

***

Кхе-кхе - последовал череда кашля. От Часовой башни до Замка чудовищ Тен делал вид, что всё в порядке, но когда больше не мог игнорировать это, маленькое тело в его объятиях зашевелилось. Валленштайн, высунув голову из кокона, в который был туго закутан, посмотрел на Тена снизу вверх.

— Трясёт.

— Прости.

Ещё до того, как он закончил извиняться, кашель перекрыл речь. Тен поспешно отвернулся, прикрыв рот. Настолько сильно, что правая щека покалывала, он чувствовал пристальный взгляд Валленштайна.

— Больно?

...Больно?

На мгновение он так удивился, что кашель прекратился. Но вскоре снова вырвался наружу, и Тен только покачал головой. Валленштайн спрашивает, больно ли ему. Действительно удивительно.

Ему было удобнее переносить всё в одиночку, поэтому он специально не говорил. Каждый раз ел все приёмы пищи, носил его, как обычно, так что и не было особо заметно. Кашель усилился только со вчерашней ночи.

После дела с Еджи Валленштайн, как только заканчивалась еда, куда-то исчезал. Тогда Тен заходил в комнату и снова ложился в кровать. Повар, узнав о состоянии Тена с опозданием, разозлился и отстранил его от помощи на кухне.

— Нужен врач?

Кстати, это, случайно, беспокойство?

Спрашивает, больно ли, нужен ли врач. Только по содержанию слов кто угодно подумал бы, что это беспокойство. Хотя интонация, с которой он произносил эти слова, была ровной и безразличной, а выражение лица крайне равнодушным.

Не чревовещание ли кто-то за спиной? Тен туманной головой осмотрел спину Валленштайна и обнаружил только свою собственную грудь.

— Всё в порядке.

Только спустя долгое время Тен наконец смог успокоить кашель.

— Это просто лёгкая простуда.

— Опустит меня.

— Что?

Действия опередили слова. Валленштайн принялся дёргать ногами, затем, слегка извернувшись, выскользнул из объятий Тена.

— Не очень люблю качающиеся кресла.

И вот так уходит прочь.

Нельзя. Ваше Величество, вы же босиком. Он хотел удержать, но стоило открыть рот - начинался кашель.

Эта простуда была особенно затяжной. Тен Камир, с врождённым здоровьем, который даже при недомогании выздоравливал после одного дня отдыха, не помнил, чтобы болел так когда-либо в жизни. Не знал, что делать.

Когда исчезла тяжесть в объятиях, тело задрожало. Это иллюзия. Валленштайн - не кукла, которая становится тёплой от переданного тепла тела. Напротив, чем больше соприкасаешься с ним кожей, тем больше бесконечный холод отнимает крупицу тепла. Он был вечным снегом, который никогда не растает, и ледником Северного моря. Раз такое отделилось от тела, состояние должно улучшиться.

И всё же Тен страдал от мучительной пустоты.

Сухо кашляя, он встал, опираясь на стену. Перчатки с толстым мехом, подшитым с изнанки, хоть немного защищали от холода замка.

Опираясь на стену, он с трудом добрался до кухни, когда перед ним внезапно оказалась дымящаяся чашка чая. Не удивившись плавающей в воздухе чашке, Тен привычно принял её и поблагодарил невидимого повара за заботу.

Когда пришёл Тен, повар надел фартук и поварской колпак. Хотя еда уже была полностью готова и оставалось только подать. Тен сел на ставшее постоянным место. Напротив Валленштайн пил чай, обхватив чашку двумя руками. Чашка была настолько большой, что полностью закрывала белое лицо. Попивая свою порцию чая, Тен увидел крошечную чашечку, помещающуюся в одну ладонь, и снова посмотрел на Валленштайна. Они оба держали одинаковые чашки.

Почему-то захотелось рассмеяться, и он зажал рот. Повар, принёсший тарелки, цокнул языком, видимо, подумав, что тот сдерживает кашель.

— Не нужно ли тебе показаться врачу? Для простуды она длится слишком долго.

— Валенс, врач... кхе-кхе.

Спасибо за беспокойство, но есть ли вообще в Валенсе врачи?

Горло зачесалось, и он не мог нормально говорить, только пил чай, а повар принёс чайник и снова наполнил чашку. К счастью, он, похоже, правильно понял половинчатые слова Тена.

— Врач. Кто бы это был? Был один чудесный лекарь, который не мог вылечить разве что... У него крёстный был демоном или жнецом, довольно необычный... Хотя, если человек, наверное, давно умер.

Судя по тому, что белый колпак мелко качался, повар качал головой.

— Я точно не знаю. Как насчёт спросить у Управляющего?

— Управляющий?

Есть Управляющий?

Когда Тен широко раскрыл глаза, повар, словно удивившись ещё больше, повысил голос: "Ээээ?"

— Сколько ты здесь прожил. Ещё не встречал Управляющего замка? М-м, нет. Так может быть. Если этот господин решит спрятаться, как его найдёшь.

Хватит уже прятаться и выходи! – повар крикнул в пустоту. Непонятно, кому он адресовал это.

Управляющий. Управляющий. Тен, который несколько раз думал и говорил, что замок совершенно не управляется и заброшен, забеспокоился. Неужели он не появляется, обидевшись на мои слова? Хотя я не хотел оскорбить.

Когда заткнулся Тен, обычно ведущий беседу, время еды прошло в гробовой тишине. Как и в последние дни, Валленштайн, едва закончив еду, куда-то исчез, а Тен в одиночестве вышел из

кухни.

Выйдя в коридор, он почувствовал, как поплыло перед глазами. Шатаясь, Тен в конце концов оперся о стену. Ящерица-подсвечник на стене высунула язык, а глаза рельефных фигур на потолке скользнули в сторону. Чудовища замка наблюдали за Теном. Обычно он бы остро почувствовал эти взгляды, но нынешний Тен, не способный совладать с собственным телом, не заметил.

Он едва опирался на стену, когда тело качнулось вперёд. Стена заговорила.

— Действительно стоит показаться врачу.

Испугавшись, он отскочил от стены. Даже несколько шагов назад давались шатко и опасно. Тен оперся о подоконник напротив и уставился на мраморную стену. Определённо оттуда донёсся звук.

— На что смотришь? Это просто стена.

На этот раз сзади. Испуганно отняв руку от подоконника, он услышал голоса слева и справа один за другим.

— Несколько дней подряд лежал.

— С того дня, как ходил на прогулку с Его Величеством с корзиной для пикника.

Тен повернул голову в направлении звуков. Но стены, двери, коридоры, пол и потолок – голоса из замка доносились отовсюду без разбора.

— Кто вы?

Судя по тому, что говорит, наблюдал за ним довольно давно. Пробрала дрожь.

— Я Управляющий замка, и я – этот замок сам по себе.

Управляющий, о котором говорил повар. Он появился.

Управляющий замка и сам замок. Концепция, которую вроде бы можно понять, но трудно осмыслить. Затуманенная голова не могла правильно связать мысли.

Управляющий тоже, похоже, не собирался помогать Тену понять. Щёлк, дверь в конце коридора сама собой открылась, затем последовательно открылись двери внутри, и ещё внутри. Словно указывая путь.

— Иди сюда. Я приготовил самую чистую комнату.

Как это ты жил в той жалкой комнате, заболеешь даже без болезни, – цокнул языком Управляющий. Тен промолчал. Просто первое место, где он открыл глаза, была та комната, и он остался там по привычке. Если не нравилось, появился бы раньше и сказал переехать. Тен послушался бы без возражений.

Появившись так поздно и ворча, он почувствовал обиду к больному телу. Тен, ковыляя, направился туда, куда указал Управляющий.

— В замке нет подходящего врача. Нужно либо привести врача снаружи, либо пойти к нему.

— Спасибо... за заботу. Но, кхе-кхе, всё... в порядке. Скоро поправлюсь.

— Твоё мнение не нужно.

Настолько, что Тену, с трудом говорившему, сдерживая кашель, стало неловко. Он решительно отрезал.

— Важна воля Его Величества.

Ясно. Вот почему Управляющий, никогда раньше не показывавшийся, появился сейчас. Из-за Валленштайна. Чтобы исполнить его волю. Управляющий, похоже, тоже слышал его слова о том, нужен ли врач.

— Врач... из-за качания... раздражался... действительно, не нужно.

— Решать о необходимости тоже не тебе.

Даже если это было сказано мимоходом. Даже если это настолько незначительно, что сам говоривший забыл. Слова Его Величества должны быть непременно исполнены - вот что говорил Управляющий.

Он лёг в кровать в самой опрятной и чистой комнате из всех, что видел в Замке чудовищ. Невероятно, но от постельного белья пахло не застарелой пылью, а мягким солнечным светом.

Он думал, что это странно. Титулы вроде короля, принцессы или императора, которые даются духам, были скорее прозвищами, созданными для различения во времена, когда не знали их имён. Конечно, разница в иерархической власти очевидна, но они не поддерживают строгую властную структуру, как в человеческом обществе. Атмосфера достаточно свободная, чтобы маленький дух вроде пегаса встречался с великим духом уровня Еджи.

Но сейчас Управляющий говорил не о правилах общества духов, а о правилах человеческого общества. словно служил императору абсолютной монархии с огромной властью.

— Ты действительно думаешь, что эта простуда - обычная простуда?

Пока погружённый в мысли Тен молчал, Управляющий вздохнул. Его вздох был таким, словно вздыхала вся комната, часть замка.

— Говорили, что для человека ты продержался довольно долго, а в итоге вот так. Если не хочешь замёрзнуть насмерть, послушай повара и поищи хотя бы лучшего в мире лекаря!

Вспомнился осколок, застрявший, как заноза, в шее Еджи. С тех пор как коснулся его, дрожащее тело не показывало признаков восстановления. Так вот как. Неужели он может замёрзнуть насмерть, хотя прикоснулся лишь один раз.

Если не хочешь замёрзнуть насмерть. Тен в затуманенной голове повторял слова Управляющего. Если не хочешь умереть.

Ему. Всё равно, даже если он умрёт.

"Нет. Она не крада ожерелье".

Белый, как снежная равнина, волк смущённо сказал.

"Сын, говоришь? Вот почему показался похожим. Она помогла мне, когда я была в опасности, и в благодарность я отдала самое драгоценное, что у меня было. Не понимаю, почему она оклеветала себя".

Объяснение волчицы было таким же, как история, которую мать всегда рассказывала. Раненая волчица и девушка, получившая ожерелье в награду за спасение. История человека и духа, ставших после этого лучшими друзьями.

Но почему же. Почему мать сказала, что ожерелье украдено? Почему она говорила, что обязательно нужно вернуть его волчице?

Волчица твёрдо заявила, что не может принять обратно то, что уже отдала. Благодаря этому ожерелье спокойно оставалось на шее Тена. Хотя единственная реликвия матери осталась в его руках, что было удачей, он не чувствовал радости.

В любом случае, он сделал всё, что нужно было. Приехал в Валенс согласно завещанию, встретил волчицу и выслушал её рассказ. Тен сложил груз, который держал до самого конца. Может, поэтому? После лёгкого освобождения и опустошённости от завершения дела пришла жестокая лихорадка.

Лёжа в постели и слушая упрёки Управляющего у изголовья, он чувствовал себя так, словно вернулся в детство. Голос матери, рассказывавшей перед сном валенсийские сказания.

"Страшно бедный человек хотел сделать встреченного на дороге крёстным своего ребёнка".

Первым он встретил бога.

Бог сказал: я позабочусь, чтобы ребёнок был счастлив.

Человек отказался. Ты даёшь богатым большее богатство, а бедным - большой голод.

Вторым он встретил демона.

Демон сказал: я дам ребёнку золото сверх меры и все наслаждения мира.

Человек покачал головой. Ты лживым языком соблазняешь слух и застишь глаза, сбивая на ложный путь.

Третьим он встретил жнеца.

Жнец сказал: я - справедливая смерть для всех.

Человек принял его крёстным.

— Был лучший в мире лекарь с крёстным - демоном или жнецом. Поищи его.

Жнец, ставший крёстным, подарил ребёнку, прошедшему обряд совершеннолетия, особый дар. Это была чудесная трава, способная излечить любую болезнь. Но было условие. При лечении пациента сначала нужно было проверить присутствие жнеца. Если жнеца нет, можно вылечить одной травой, но если жнец пришёл, никакими способами не спасти. Ведь эта жизнь уже принадлежит жнецу.

— Повар сказал, что врач, возможно, умер, но не важно. То, что сделало обычного человека величайшим лекарем, было лекарство, подаренное крёстным. Если только можно достать его,

какая разница, есть врач или нет.

Сознание постепенно затуманивалось. Словно погружаясь в воду, голос отдалялся.

— Хорошо отдохни, и когда почувствуешь себя лучше, отправляйся. У тебя же есть странный компас, сделанный гномами Марбурга. Если цель ясна, сможешь отправиться куда угодно.

Нет у меня этой ясной цели.

Проглотив слова, которые хотел сказать, Тен был втянут в вялую тьму. Это был сон тяжёлый, как смерть.

Даже после того как вялая лихорадка спала и кашель прекратился, Тен не выходил из комнаты. Симптомы простуды исчезли, но по-прежнему ощущал озноб и ничего не хотелось делать. Никогда раньше такого не было. Незнакомая апатия давила на всё тело.

Что теперь делать.

Он просто растерялся. Зачем люди должны жить? Не как будто он родился, потому что хотел. Почему нужно упорно продолжать жизнь, навязанную силой?

Мысль о том, что тяжело, приходила иногда. Даже в жизни, где его гоняли туда-сюда так, что не было времени отвлекаться, желание отдохнуть проскальзывало в короткие промежутки. Хотя вскоре забывалось из-за работы.

Заклинатель огненного типа стоит в авангарде. При выполнении задач риск был высок, но настолько же были велики возможности накопить заслуги и быстро продвинуться по службе. Однако Тену нужно было приложить в несколько раз больше усилий, чтобы едва дотянуть до среднего уровня. Старший сын Камиров особенно недолюбливал Тена среди множества незаконнорождённых.

Люди, получившие фрагментарное образование о том, что дискриминация – это плохо, изолированные в мысли "я хороший человек, который не занимается плохой дискриминацией", отрицали само существование стеклянного потолка, который они создали. Стена, преграждающая путь нежеланному гостю, хотя и невидима, была слишком толстой и прочной. Хотя он был не незваным гостем, а существом, изначально родившимся и выросшим в том же доме.

Почему он так упорно жил? Почему так загонял себя и барахтался? Мать. Точно, это было ради матери.

Но её больше нет.

Накатило головокружительное отчаяние. На мгновение даже возникла мысль о смерти. Не "всё равно, даже если умру", а действительно хочу умереть.

В детстве. Иногда даже желал, чтобы мать была плохим человеком. Чтобы она ненавидела сына, который тянул её назад, била и жестоко обращалась с ним.

Но она, борясь с душевной болезнью, искренне любила своего сына. Это было действительно печально. Если бы даже ты меня ненавидела, я бы мог ненавидеть в ответ. Мог бы сделать врагами всё, что делает меня несчастным, и вернуть ту же ненависть и злобу. Мог бы выйти за рамки установленных обществом норм и разрушить свою жизнь, как захочу.

В итоге не смог. Не мог предать твоих ожиданий, любившей меня. Втиснул себя в стандартизированную коробку и насильно подогнал своё тело.

"Блядь. Прекрати уже".

Когда это было. Когда Тен, как обычно не щадивший себя, сильно пострадал и лежал в лазарете, пришедший с корзиной фруктов Ариан набросился на него тоном, неясно – навестить или поссориться.

"Если видишь, что явно не можешь, используй право отказа. Ты что, раб? Комплекс хорошего ребёнка, который не может отказать и всегда соглашается, реально надоел. Ты уже не ребёнок".

Тен резко встал с кровати и принялся ходить по комнате. Если будет продолжать лежать, депрессия только усилится. Но опять же не знал, что делать. Как игрушечный поезд, продолжал кружить по одному и тому же маршруту. Хотелось бы на чём-то сосредоточиться. Что-то, что позволит забыть о реальности и сбежать.

— Куда я положил книгу?

Подарок хозяина книжного магазина. Книга автора, которого любит нэйвец, столкнувший его с поезда. Последнее воспоминание было не очень приятным, но книга-то не виновата. Тен достал книгу со дна сумки.

Валенсийские сказания Надима.

<http://bllate.org/book/14993/1421405>